

Чтение как наказание

Знаете, какая самая популярная фраза, которую слышат учителя словесности? «Мой ребенок вообще не читает: я его уже и бью и убиваю, а он всё равно книжку в руки не берет».

Поздний вечер. Телефонный звонок. Мама ученицы 3 класса.

— Тут нам домашнее задали по чтению: найдите в прочитанном тексте средства

художественной выразительности. Теории никакой в учебнике нет, только текст рассказа. Голову уже всю сломали.

— А что знаете про художественные средства?

— (шепотом) Что ты про эти средства знаешь? Ничего? Не рассказывали, что ли? (мне) Ничего не

рассказывали, не знает.

Периодически звонят после истерик и слез: ребёнок не понимает смысла прочитанного, не знает, как выполнить заданное, спать хочет или водички попить, но не чтением заниматься. Из начальной школы дети перебираются в среднее звено, и там страдания усиливаются. Особенно после всеобщего «наизусть»: «опять стих?», «а чего раньше не сказал, давай учить на ночь глядя», «ну как ты не можешь эти строчки запомнить, чего там учить?», «давай ещё раз сейчас и утром перед выходом повторишь».

Ещё существует особый вид школьного спорта — техника чтения. «Раз, два, три — поехали! Кто быстрее? Да, с техникой чтения у вас плоховато, совсем медленно, еле буквы в слова складывает. Вон, в списке на стенде предпоследним числится». Как же так получилось, что чтение стало наказанием: «читай, а то гулять не пойдешь», «так, ещё раз так сделаешь и читать сядешь», «вытирай слёзы и начинай сначала».

Мало кого волнует, что ребенок читает, о чём и, самое главное, зачем малыш берет книжку в руки. От непонимания прочитанного — слезы, страдания, страх перед двойкой и непопаданием в первые строчки быстро читающих. И чем старше становится запуганный, тем дальше отодвигает от себя книжки. Что же делать, если угроза забвения литературы бьёт кулаком в дверь, и дети с удовольствием бегут её открывать?

Данила

Даниле сейчас 3 года. Каждый вечер родители, отправляясь укладывать малыша спать, просят его захватить «книжку на ночь». Малыш выбирает то, что сейчас ему подходит по желанию и настроению, и бодро шагает впереди. Он этого момента ждет с нетерпением, потому что за дверью детской спальни ему точно откроется целый мир. Папа расскажет, почему Бармалей

назван Бармалеем или кто такой лохматый Груффало и как он выглядит. Иногда Даня спрашивает, что означают незнакомые слова и выражения, даже иногда поправляет ударение (чтобы рифма не нарушалась) — вечерняя работа по пониманию прочитанного идет полным ходом. Ни одна книжка не остается просто воспроизведенной, каждая страница обязательно подвергнется обсуждению и бесконечному вопрошанию. Когда малыш понял, кто есть кто, и почему герой совершает определённый поступок, интерес к следующей истории только разгорается, ведь чтение становится общим приключенческим делом.

Даша

Даша — ученица 2 класса. Она читает медленно: сначала складывает слово в уме, а затем произносит вслух, иногда угадывает окончание, не дочитывая слово полностью (чтобы быстрее получалось). Девочка уверена, что если она будет читать медленно перед всем классом, то ребята станут смеяться и показывать пальцем. Даша предпочитает не читать, потому что это отнимает много времени, она быстро устаёт, сложные слова вообще не поддаются.

Когда я поняла причину Дашиных неудач, мне захотелось показать ей, как может быть устроено слово: из каких частей оно состоит, почему некоторые буквы сложно прочитать в их сочетании друг с другом. Затем мы начали рисовать слова: делать их БОЛЬШИМИ и маленькими, длиииниинныыыыыми и короткими. Со временем Даша почувствовала, что слова можно приручить. Ей было не страшно ошибиться, она стала больше времени уделять тренировкам в чтении, ей стало интересно следить за жизнью слов.

Миша

Мише недавно исполнилось 11 лет. В школу он ходить любит, литературу не отвергает, книжки читает, многих героев знает. Но у мальчика начинает болеть живот, когда учительница задает на дом стихотворение наизусть. Миша помнит, что в 5 классе его заставили учить Сергея Есенина («что-то там про разочарования в природе или в родине»). Тогда целый вечер был уничтожен: ругань, крики, строчка никак не шла в голову. Миша теперь боится стихов, как огня, а поэзии для него в природе не существует.

Долго думали, как же нам эти стихи приручить. Начали со стихотворения Заболоцкого «Движение». Миша сначала долго всматривался в строчки, потом пытался каждую нарисовать, затем начали обсуждать и в конце не могли остановиться от смеха. Когда ребёнок понимает, что в стихотворении означает каждое слово или вся строчка, то поэзия становится осязаемой, он её приручает и постепенно влюбляется.

Артём

Артём учится в 10 классе. Литература в школе для него — наискучнейший предмет в жизни. Он всеми силами старается не заснуть за последней партой во время обсуждения «Войны и мира», зеваёт при описании Петербурга и лишь единожды вздрагивает при бойне в квартире старухи-процентщицы. На мой вопрос, неужели ему не хочется познакомиться с героями литературных произведений, Артём отвечает: «Там нет меня, я слушаю про кринолиновые юбки и заточенные мечи, скучные длинные предложения и средства художественной выразительности. Я лучше пойду замкну цепь на физике». Влюбить в литературу подростка — смерти подобно. Задача сложная, но достижимая.

— В школьном дворе есть футбольное поле с очень приятной травой. Когда речь зашла про небо

Аустерлица, мы с классом пошли на это поле (после сложной математики), легли на него и начали смотреть в небо. Каждый мог высказаться: о чём думает, что чувствует. На кого-то это небо упало, кто-то понял (как Артём), что он ничтожен по сравнению с небесной громадой, а кому-то просто стало хорошо на душе после математического кипения мозгов. Со временем захотелось пройти по маршруту Раскольникова, измерить площадь вишневого сада — литература вошла в жизнь и стала интересной. Дети (и Артём в том числе) нашли в ней себя, почувствовали, что она про них.

Но, кроме всего этого, книга должна войти в дом. Не с помощью насилия и угроз, а как друг и интересный собеседник. Прочитанный роман можно обсуждать, поедая мамин ужин; сравнивать впечатления после просмотра экранизации или спектакля; в Третьяковской галерее или Пушкинском музее тоже можно найти ответы на многие литературные вопросы.

Можно полюбить литературу только тогда, когда она становится членом семьи, когда на неё находится время, когда ей уделяется свое место на полке.

Книга не должна быть священной коровой, её нужно зачитывать, перелистывать, передавать и всё время о ней необходимо говорить. Когда читатель понимает, что, о чём, а главное, зачем он читает, то литература не отворачивается, она обнимает его и захватывает.